

Александр РАЗИН¹

МОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается место моральных мотивов в управленческой деятельности. Показывается, что в современной этике возникла новая ситуация, связанная с осмыслением превращения общества в глобальную систему, в которой отношения одного человека от другого дистанцированы и не воспринимаются так, как это было в традиционном обществе. Основной характеристикой управления является эффективность, насколько она совместима с моральными мотивами, могут ли быть ситуации, когда эффективностью приходится пожертвовать ради морали, или наоборот, насколько мораль может способствовать достижению эффективности в краткосрочной или долгосрочной перспективе? Отвечая на эти вопросы, автор сравнивает позиции морального абсолютизма и утилитаризма, показывает, что в определенной степени эти теории оказываются совместимыми, если утилитаризм не рассматривается в узком значении выгоды, возрастания общего блага любой ценой. В статье предлагается рассмотрение роли морали в осуществлении сетевого управления, что, по мнению автора, соответствует природе морали, связанной с индивидуальным, лично ответственным моральным выбором. В данной связи даются рекомендации по совершенствованию форм организации современного производства.

Ключевые слова: этика, мораль, мотивы, управление, абсолютизм, утилитаризм, ответственность, эффективность, сетевое управление.

1. ВВЕДЕНИЕ

Основной характеристикой управления является эффективность. Насколько она совместима с моральными мотивами, могут ли быть ситуации, когда эффективностью приходится пожертвовать ради морали, или наоборот, насколько мораль может способствовать достижению эффективности в краткосрочной или долгосрочной перспективе?

Перед тем, как приступать к ответу на эти вопросы надо предварительно сказать несколько слов о публичной морали. В современной этике мы сталкиваемся с новыми феноменами. Это прежде всего определяется невероятным развитием публичной сферы общественной жизни, увеличением количества безличных контактов между людьми, дистанцированием одного человека от другого, в то время, как даже эволюционно многие моральные представления вырабатывались как установки по отношению к человеку, которого мы непосредственно наблюдаем. Помощь, или нравственные ограничения в отношении непосредственно наблюдаемого другого насыщены эмоциями, часто выражаются в спонтанных реакциях и, как уже показано в экспериментах, развиваемых в так называемой *x-phi* – тяготеют к моральному абсолютизму. В то же время как дистанцированное

Александр Разин, Профессор Доктор философии, Московский Университет им. М. Ломоносова, e-мэйл: razin54@mail.ru

отношение одного человека от другого вызывает размышления, построенные на базе утилитарной теории. Понятно, что управленческие решения касаются больших групп людей, с которыми принимающий решение, часто не вступает в непосредственную связь, и потому - не наблюдает эмоциональную реакцию другого. Означает ли это, что в области социального управления именно утилитаризм должен стать доминирующей этической теорией, а моральный абсолютизм, соответственно, будет занимать вторые места?

2. ПУБЛИЧНАЯ МОРАЛЬ И ТРАДИЦИОННАЯ ЭТИКА

Многие авторы полагают именно так. Ричард Гудин прямо говорит, что в области публичной морали именно утилитаризм является наиболее подходящей моральной теорией. К утилитарной позиции в решении моральных дилемм склоняется известный американский философ П. Сингер. Он подвергает критике обычное поведение, в котором мы больше заботимся о том человеке, которого способны непосредственно опознать. В его сценарии (подтвержденном рядом экспериментов) мы более вероятно спасаем при кораблекрушении того, кого непосредственно видим, чем пять других людей, о которых мы знаем, но их не видим. Но, как полагает Сингер, «мы, конечно, должны спасти пятерых, даже если эволюция, так сказать, подучила нас больше заботиться о той жертве, которую мы знаем. Из сценария Сингера мы должны сделать очевидный вывод: некоторые из наших моральных инстинктов не подходят нашей эпохе, когда люди живут большими анонимными группами в мире, в котором все со всем связано»².

При решении моральных дилемм часто используется мысленный эксперимент, в котором нам предлагается толкнуть толстого человека с моста для того, чтобы остановить движение неуправляемого вагона, с целью спасения жизни большего числа людей. Эта проблема рассматривается не только философами, но и психологами, например, Хайдом, Джошуа Грином. «Грин доказывает, что наши автоматические реакции на определенные ситуации, хотя они и крайне полезны, могут дать осечку и что в моральных дилеммах первую скрипку должна играть наша подсчитывающая природа, то есть мы должны перейти на ручной режим. Мы должны толкнуть толстяка, несмотря на наше инстинктивное отвращение к этому решению. Питер Сингер согласен: если нежелание толкнуть толстяка управляется эмоциональными механизмами мозга, мы должны преодолеть нашу робость»³.

То же самое мы можем отнести и к решениям в бизнесе. Очевидно, что в сфере бизнеса мы также должны делать выбор между интересами тех людей, которых мы можем непосредственно знать и людьми, отделенными от нас в силу обезличенных социальных связей.

Отметим, что публичная мораль, а соответственно и приемлемая для этой сферы этическая теория, конечно, существенно отличаются от традиционных этических представлений.

Немецкий, а затем американский исследователь Г. Йонас называет этику прошлых времен – соседской этикой. В ней всегда шла речь об отношении человека к близкому, о разумной взаимопомощи, предотвращении конфликта, милосердии. И

² Эдмондс Д., Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?, Изд-во Института Гайдара, Москва 2016, с. 187.

³ *Ibidem*, s. 193.

в этой этике не ставились вопросы об отношении к будущим поколениям, не рассматривалась возможность уничтожения человечества как такового, не стояли так остро вопросы об охране окружающей среды, экологическом кризисе, и т.д.

Анализируя уже имеющуюся литературу, в которой так или иначе отражается проблема изменения состояния современной морали российские исследователи Р.Г.Апреян и А.В.Прокофьев отмечают необходимость разграничения индивидуальной этики совершенствования и публичной или общественной морали. В западных источниках предлагаются несколько иные решения: публичная мораль и индивидуальная нравственность (Т. Нагел), социальная и индивидуальная этика (А. Рих), правила публичной жизни и индивидуального поведения (Р. Гудин).

Нам кажется, что наиболее удачными терминами для обозначения сфер современной морали будут: публичная мораль и индивидуальная нравственность. Дело в том, что этика совершенствования это христианская мораль, ориентированная на такие идеалы, которые в принципе оказываются недостижимыми для отдельного индивида («будьте совершенны как Отец ваш небесный»). Это не всегда отвечает условиям современной жизни, ориентирующим человека на подчинение стандартам, которые по определению должны быть достижимыми. Кроме того, очевидно, что совершенствоваться можно и в публичной сфере, в исполнении общественных функций, а не только в индивидуальной нравственности.

В самом общем плане можно сказать, что индивидуальная нравственность касается такого поведения личности, последствия которого не затрагивают непосредственно большого числа других людей (какими должны быть правильно организованные сексуальные отношения, как нужно жить, чтобы быть счастливым и т.д.). В публичной морали индивидуальное поведение, наоборот, непосредственно касается большого числа других людей. Поэтому ее императивами могут положения типа «не будь расистом», «принимай участие в выборах», если ты выполняешь какую-либо общую общественную функцию, то выполняй свои обязанности честно, не оказывая преимуществ кому-либо в соответствии с твоими личными симпатиями и антипатиями и др.

Многие традиционные моральные правила не годятся для публичной сферы. Например, при исполнении ряда публичных функций оказывается просто невозможно относиться к другому также как к самому себе. Человек по необходимости оказывается вынужденным действовать против другого. В работе «Этика для противников» Артур Аппельбаум отмечает: «Профессионалы и политические деятели исполняют роли, которые часто заставляют действовать на основе противоположных намерений, стремиться достигнуть несовместимых целей, разрушить планы другого. Адвокаты обвинения и защиты, демократы и республиканцы, государственные секретари и советники по национальной безопасности, индустриальные предприятия и защитники окружающей среды, проводящие расследование журналисты и официальные источники, врачи и страховые компании часто оказываются в ситуации друг против друга в результате исполнения их миссии, работы и агитации»⁴. Понятно, что это требует разработки

⁴ Appelbaum A., *Ethics for Adversaries. The Morality of Roles in Public and Professionals Life*. Princeton, Princeton University Press, 1999. P. 5.

особой этики, основой которой являются правила честной игры, уважения к противнику, учета общественного интереса.

Большинство авторов, занимающихся разработкой проблем публичной морали, отмечают, что ей присущи следующие признаки:

1. Моральный плюрализм, развитие систем профессиональных и корпоративных кодексов, отражение многообразия культур, разделение морали по этническим признакам.
2. Сближение морали и права, институционализация морали (формализация требований и ужесточение санкций).
3. Ориентация этических правил на стандарт, противопоставление этого призыву к безграничному совершенствованию в христианском смысле.
4. Коллективные решения и коллективная ответственность.
5. Утилитарный подход, предполагающий принятие решений на основе логики меньшего зла (что не всегда безупречно, так как предполагает использование каких-то групп людей или отдельных личностей в качестве средства).

Однако соотношение между этими признаками, также как и соотношение современной этики с традиционными моральными представлениями мыслится по-разному

Исследуя проблему современной морали, А.А. Гусейнов отмечает, что она претерпела существенные изменения по сравнению с традиционной моралью. Суть этих изменений формулируется в кратком тезисе о том, что отношения морали и цивилизации как бы меняются местами. Если раньше цивилизация подвергалась критике со стороны морали, то теперь, наоборот, цивилизация выступает в роли критика. Действительно, изменения в понимании того, что морально, а что нет, что допустимо в нашем поведении, а что считается предосудительным, происходят с невероятной быстротой. На это обращают внимание многие исследователи морали. В таком случае возникает вопрос, а есть ли вообще в морали нечто устойчивое, какую моральную концепцию мы можем принять для подтверждения истинности наших нравственных суждений. А.А. Гусейнов отмечает, что спецификой современной морали стало расширение нравственно нейтральной зоны, стремление к освобождению от мировоззренческих обоснований и, во многом, - от комплекса, связанного с развитой мотивацией, поиском индивидуальных решений. Вместо этого получает развитие институциональная этика, т.е. этика правил, разрабатываемых для тех или иных социальных систем. «Каждая из... социальных практик оказывается тем эффективнее, чем менее она зависит от личных связей и, что особенно кажется парадоксальным, от индивидуальной моральной мотивации»⁵. Это не означает, что мораль как таковая теряет свое значение. Просто «нравственность перемещается с уровня мотивов поведения на уровень сознательно задаваемых и коллективно вырабатываемых общих рамок и правил, по которым протекает соответствующая деятельность»⁶. Этот процесс и выражает развитие институциональной этики, характеризующей посттрадиционное общество. А.А. Гусейнов не говорит о том, что институциональная мораль полностью вытесняет этику добродетелей, связанную с развитой индивидуальной мотивацией и

⁵ Гусейнов А.А., Философия, мораль, политика, ИКЦ «Академкнига», Москва 2002, с. 119.

⁶ *Ibidem*, с. 121.

ориентацией на индивидуальное совершенствование. Он лишь обращает внимание на то, что соотношение двух, присутствующих в морали и ранее составляющих, заметно меняется в смысле той роли, которую они играют в современном обществе. «Этика добродетелей, связанная по преимуществу с мотивами поведения, сохраняет важное (быть может, даже возрастающее значение) в области личных отношений и во всех ситуациях, имеющих ярко выраженный личностный, индивидуализированный характер, т.е. говоря обобщенно, в зонах личностного присутствия. В системном (общественно-функциональном, профессионально-жестком) поведении она дополняется институциональной этикой»⁷.

Можно согласиться с тем, что отмеченные изменения связаны с изменением доли выделяемых А.А. Гусейновым моральных компонент. Расширение значимости публичной жизни общества и усложнение самого характера публичных связей несомненно приводит к необходимости кодификации морали и созданию специальных институтов, следящих за исполнением кодексов в формальном смысле.

Однако я не думаю, что сфера нравственно нейтрального в современном обществе расширяется. Например, даже в экономике, сфере традиционно рассматриваемой в качестве далекой от морали, где господствует стремление к утверждению честного интереса (именно так рассматривал экономические отношения Адам Смит), мораль современного общества все более и более завоевывает свои позиции.

В своем исследовании, посвященном вопросам доверия, Ф. Фукуяма показал, что крупные корпорации исторически возникли именно в обществах с высоким уровнем доверия, т.е. в США, Японии и Германии. Позднее к ним присоединилась Южная Корея, где крупные корпорации во многом возникли за счет вмешательства государства в экономику, но также были связаны с особенностями национального самосознания. Однако не только развитие крупных корпораций, в которых доверие людей, проявляющее себя в производственных связях между отдельными звеньями, приводит к снижению издержек на юридическое оформление договорных отношений, но и развитие отвечающих информационному обществу сетевых структур, также основано на доверии. «Не случайно, что именно американцы, с их склонностью к общественному поведению, первыми пришли к созданию современной корпорации в конце XIX - начале XX века, а японцы – к созданию сетевой организации в XX веке»⁸. Как же в таком случае можно отрицать роль морали в экономике?

Характеризуя систему классического капитализма, показывая ее отличия от прежних стадий производства, В. Зомбарт писал: «В те времена, когда дельные и верные долгу деловые люди восхваляли молодому поколению прилежание как высшую добродетель имеющего успех предпринимателя, они должны были стараться как бы вбить в инстинктивную жизнь своих учеников твердый фундамент обязанностей, должны были пытаться вызывать у каждого в отдельности путем увещания личное направление воли. И если увещание приносило плоды, то прилежный деловой человек и отрабатывал путем сильного самообуздания свой урок. Современный экономический человек доходит до своего неистовства

⁷ *Ibidem*, s. 123.

⁸ Фукуяма Ф., Доверие, Изд. ХРАНИТЕЛЬ, Москва 2006, с. 55.

совершенно иными путями: он втягивается в водоворот хозяйственных сил и уносится им. Он не культивирует более добродетель, а находится под влиянием принуждения. Темп дела определяет собою его собственный темп»⁹. Следовательно, задача совершенствования человека в смысле культивирования так называемых мещанских добродетелей, с точки зрения Зомбарта, перестала быть актуальной. Его «добродетельность» стала задаваться темпом производства, а не его субъективными волевыми усилиями.

Но эти оценки относятся к капитализму XIX в. К современным условиям производства они, с моей точки зрения, оказываются неприменимы. Дело в том, что сам процесс труда человека, имеющего дело со сложной техникой, требующего высокого уровня квалификации все менее и менее поддается внешнему контролю. Условия современного труда порождают ситуацию, в которой при попытке внешнего контроля любой контролер, во-первых, должен иметь такую же квалификацию, как и реальный производитель, во-вторых - затратить на проведение контрольных операций принципиально такое же время, как и человек, подвергающийся контролю. Таким образом, это ситуация, в которой на каждого отдельного производителя необходимо иметь отдельного контролера, что делает внешний контроль невозможным.

Следовательно, без развитой трудовой этики экономика оказывается невозможной, и те общества, в которых она существует, добиваются в своем экономическом развитии наибольших результатов.

Теперь возьмем процесс мотивации. Я не думаю, что более или менее жесткое определение способа взаимоотношений людей с помощью кодексов, характерное для профессиональной и корпоративной этики, в действительности приводит к ослаблению их субъективной нравственной мотивации. Это может быть верно только для норм, имеющих вид строгих негативных запретов. Они действительно однозначно решают ситуацию, как бы освобождая человека от бремени ответственности и от необходимости субъективной мотивации в случае, если обстоятельства действия точно отвечает уже принятой норме. Но анализ современных профессиональных кодексов показывает, что они содержат все больше и больше норм, имеющих позитивное выражение и достаточно общие формулировки. Возьмем, например, следующую группу норм кодекса PR деятельности, сформулированного Артуром Пейджем: «Выполнять свой долг специалиста в области публичных отношений так, будто от этого зависит благополучие всей вашей компании. Корпоративные отношения являются управленческой функцией. Никакую корпоративную стратегию нельзя реализовать, не приняв во внимание ее возможное воздействие на общественность. Профессионал в области публичных отношений является творцом политики компании, умеющим выполнять широкий спектр действий, касающихся корпоративных коммуникаций»¹⁰.

Понятно, что сформулированные в таком виде нормы требуют профессионализма, а профессионализм не может быть достигнут без субъективной мотивации, без добродетели, которая как раз и показывает путь человека к

⁹ Зомбарт В., Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека, Художественная промышленность и культура, Москва 2009, с. 142.

¹⁰ Цит. по: Скотт М. Катлип, Алан Х. Центер, Глен М. Брум, Паблик рилейшенз. Теория и практика, Москва 2000, с. 204.

некоторому стандарту совершенства. Соответствие «вещи» своему назначению: именно таков был древний смысл античного понятия о добре, а соответственно и о добродетели, показывающий путь к утверждению добра. Поэтому добрый конь это хороший конь, а добродетельный человек это прежде всего человек достигший совершенства в своем профессиональном мастерстве.

В традиционной этике долг добродетели, т.е. долг, связанный с самосовершенствованием, развитием некоторого умения, рассматривался как менее строгий по отношению к долгу перед законом (для Канта это долг, связанный с категорическим императивом в его первой формулировке). Однако для публичной морали такого разграничения, с моей точки зрения, провести нельзя. В публичной морали неисполнение долга перед добродетелью также немедленно становится проступком, как и неисполнение долга перед законом. Это может быть сформулировано как служебное несоответствие, профессиональная некомпетентность, превратившаяся в преступную халатность. За это человек несет как моральную, так и юридическую ответственность, как, скажем, врач отвечает за неверно проведенную операцию или ошибочный диагноз и неправильное лечение. В публичной сфере мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда человек отвечает не только за то, что он не сделал что-то плохое, нравственно осуждаемое, но и за то, что он не выполнил то, что предусмотрено его профессиональными обязанностями. Поэтому требование профессиональной компетенции, служебного соответствия становятся важнейшими требованиями публичной морали.

Таким образом, развитие институциональной этики не ограничивает необходимости существования и не сужает сферу этики добродетелей. На мой взгляд, сама этика добродетелей проникает внутрь институциональной морали. Их взаимодействие осуществляется по принципу взаимодополнительности, а не взаимоисключения. Думаю, что значение этики добродетелей в современном обществе расширяется именно в связи с возрастанием многообразия нравственных отношений, распространением их на такие взаимоотношения людей, которые ранее считались нравственно нейтральными. Это заставляет многих современных исследователей (например, Ф.Фут, Э.Энском, А.Макинтайра) говорить о необходимости возрождения этики добродетелей.

Стандарт это требование профессиональной квалификации, требование соответствующей этому стандарту степени личного совершенства. Но путь к самому этому совершенству имеет свои особенности для каждого человека, связан с усилиями его воли, с преодолением всего того, что отвлекает его от соответствующего профессионального развития, и мораль уж никак не может устраниваться из этого процесса. В ряде случаев подчинение своего поведения стандарту требует и особой мотивации, направленной на ограничение чрезмерных проявлений собственной индивидуальности, особенно тогда, когда это приводит к самонадеянности, граничит с нарушением должностных инструкций, правил дорожного движения и т.д.

3. СОВРЕМЕННЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ КОДЕКСЫ И БИЗНЕС ЭТИКА

Проясняя вопрос о моральных мотивах в управленческой деятельности интересно соотнести их с мотивами деловой активности и нравственными ограничениями в бизнесе. Для этого можно рассмотреть проблему кодифицирования бизнес этики. В настоящее время предложено очень много

кодексов бизнес этики, как международных, так и национальных. В России первый кодекс этики бизнеса был предложен в 1912 г. на 12 лет раньше, чем в США.

Многие кодексы повторяют друг друга в отдельных разделах или отдельных положениях. Но в принципе все они содержат некоторые формализованные разделы: ответственность перед обществом, ответственность перед партнерами (держателями акций), принципы бизнес коммуникаций, в том числе – внутри корпорации, требования к субъекту, осуществляющему бизнес активность, ответственность за неисполнение норм. Из важнейших международных кодексов можно назвать Ко-Декларацию принципов, Международный стандарт ISO 26000 (руководство по социальной ответственности). Международный кодекс бизнес коммуникаторов и другие.

Сложнее подвести под многочисленные принципы и нормы философско-этическую базу, что необходимо для того, чтобы выстраивать определенные приоритеты в случае противоречия между принципами и для их практического применения к конкретным ситуациям.

Неплохая попытка реализовать эту задачу сделана американским социологом Л. Хосмером. Он следующим образом соотносит предлагаемые им принципы с различными философскими теориями:

«1. Никогда не делай того, что не в твоих долгосрочных интересах или интересах твоей компании (принцип основан на учении древнегреческих философов, в частности Протагора, о личных интересах, сочетающихся с интересами других людей, и различии между интересами долгосрочными и краткосрочными).

2. Никогда не делай того, о чем нельзя было бы сказать, что это действительно честное, открытое и истинное, о котором можно было бы с гордостью объявить на всю страну в прессе и по телевидению (принцип основан на взглядах Аристотеля и Платона о личных добродетелях — честности, открытости, умеренности и т.п.).

3. Никогда не делай того, что не есть добро, что не способствует формированию чувства локтя, так как все мы работаем на одну общую цель (принцип основан на заповедях всемирных религий (св. Августин), призывающих к добру и состраданию).

4. Никогда не делай того, что нарушает закон, ибо в законе представлены минимальные моральные нормы общества (принцип основан на учении Т. Гоббса и Дж. Локка о роли государства как арбитра в конкуренции между людьми за благо).

5. Никогда не делай того, что не ведет к большему благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь (принцип основан на этике утилитаризма (практической пользе нравственного поведения), разработанной И. Бентамом и Дж. С. Миллем).

6. Никогда не делай того, чего ты не желал бы рекомендовать делать другим, оказавшимся в похожей ситуации (принцип основан на категорическом императиве И. Канта, в котором декларируется знаменитое правило об универсальной, всеобщей норме).

7. Никогда не делай того, что ущемляет установленные права других (принцип основан на взглядах Ж.Ж. Руссо и Т. Джефферсона на права личности).

8. Всегда поступай так, чтобы максимизировать прибыль в рамках закона, требований рынка и с полным учетом затрат. Ибо максимальная прибыль при соблюдении этих условий свидетельствует о наибольшей эффективности

производства (принцип основан на экономической теории А. Смита и учении В. Парето об оптимальной сделке).

9. Никогда не делай того, что могло бы повредить слабейшим в нашем обществе (принцип основан на правиле распределительной справедливости Ролза);

10. Никогда не делай того, что препятствовало бы праву другого человека на саморазвитие и самореализацию (принцип основан на теории Нозика о расширении степени свободы личности, необходимой для развития общества).¹¹

Из перечисленного видно, что здесь представлен принцип публичности, принцип совместимости схем свобод одних со свободами других (его использует также Дж.Ролз.), которые могут быть рассмотрены как абсолютные ограничения, но есть и утилитаристские принципы, основанные на представлениях об эффективности бизнеса.

Здесь следует сказать, что утилитарный подход в бизнесе, конечно применим, может быть даже очень значим, но это такой утилитаризм, который не исключает морального абсолютизма. Я называю его утилитаризмом второго порядка. Скажем, имеет утилитарное значение выполнение таких действий, которые не подрывают доверие к государственным институтам, не нарушают доверие между партнерами, или уважение других людей к вашему бизнесу, что важно в долгосрочной перспективе. Тем не менее, практически эти утилитарные задачи решаются на базе абсолютных ограничений.

Большое значение имеет подход, развиваемый в этике добродетелей. Сейчас эта этическая теория по праву занимает подобающее ей место в рефлексии моральной жизни современного общества и воспитательной практике. Такие принципы как, «стремись к развитию своих способностей, деловых качеств», «заботься о профессиональном росте своих сотрудников», будь вежлив и культурен в общении» могут быть обоснованы именно на основе подхода этики добродетелей.

Здесь следует сказать, что и этика долга и этика добродетелей уделяет большое значение мотивам поведения, но именно в этике добродетелей наши моральные мотивы рассматриваются как неотъемлемая часть самой человеческой природы, как важнейшая составляющая всего процесса мотивации в целом.

Сказанное можно подтвердить одним из примеров из книги замечательного американского автора Дэвида Эдмондса «Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?»

Случай 1. Вице-президент некоей компании приходит к председателю совета директоров и говорит:

«У нас есть проект. Он принесет компании кучу денег, но при этом нанесет урон окружающей среде». Председатель совета директоров отвечает: «Я понимаю, что проект повредит окружающей среде. Но мне на это наплевать. Мне важно лишь заработать как можно больше денег. Так что запускайте проект». Проект запускается, и, конечно, окружающая среда несет урон.

Случай 2. Вице-президент компании приходит к председателю совета директоров и говорит:

«У нас есть проект. Он принесет компании кучу денег и при этом окажет положительное влияние на окружающую среду». Председатель совета директоров

¹¹ Шихирев П. Н., Введение в российскую деловую культуру, ОАО Типография Новости, Москва 2000, с. 51.

отвечает: «Я понимаю, что проект будет полезен для окружающей среды. Но мне на это наплевать. Мне важно лишь заработать как можно больше денег. Так что запускайте проект». Проект запускается, и, конечно, на окружающую среду оказывается благотворное воздействие. Участникам эксперимента задавали вопрос: входило ли в *намерения* председателя в каждом из двух случаев воздействие, оказываемое на окружающую среду? И тут обнаруживается любопытный момент. Говоря о первом сценарии, большинство ответило:

«Да, ущерб был намеренным». Но значит ли это, что председатель во втором сценарии намеренно помог окружающей среде? Большинство опрошенных посчитали, что это не так. Это странно, поскольку два случая кажутся практически тождественными. Единственная разница в том, что в первом случае председатель сделал нечто плохое, а во втором — хорошее. По мысли Кнобе, этим результатом доказывается то, что понятие намерения неразрывно связано с моральными суждениями. В целом же он полагает, что подобные результаты указывают на то, что мы должны радикально переосмыслить наше понимание самих себя¹².

Приведенный пример показывает, что именно позиция, согласно которому мораль может быть рассмотрена как важнейшая компонента человеческой жизни или как мотив мотивов, т.е. представлена в абсолютном смысле, дает ответ на приведенные в примере оценки. Помощь в моральном смысле оценивается как таковая, только в том случае, если именно она была исходным намерением.

4. СЕТЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Еще одна проблема, которую я хотел бы сегодня затронуть, это сетевое управление. Дело в том, что при сетевом управлении мы не имеем такого четко обозначенного центра как при управлении командном. Может быть даже два центра, два руководителя, исполнительские функции между которыми распределяются спонтанно. Это кажется весьма необычным, но в действительности особенности сетевого управления как раз очень хорошо соотносятся с общими закономерностями формирования и функционирования в обществе моральных норм. Дело в том, что в отличие от права в морали нет четкого разделения субъекта и объекта управления. Общность, вырабатывающая моральную норму, является и субъектом нормотворчества и объектом действия данной нормы. Более того, можно сказать, что сама общность формируется вокруг некоторого нормативного принципа, выступающего вначале лишь в качестве исходной идеи, в качестве предложения о возможности новой формы коммуникации.

В историческом плане эта общность может разрастаться, объединяться с другими сходными общностями, состоящими из некоторых локальных групп, что и приводит к тому, что предложенная форма коммуникации становится социальной нормой, онтологический статус которой гораздо определеннее, чем онтологический статус исходной идеи.

По существу такой же тип объединения отвечает природе сетевых связей. Сети дают возможность объединения единомышленников, вокруг того, кто высказал некоторую идею, которая кажется другим перспективной.

¹² Эдмондс Д., Убили бы вы толстяка?, с. 93 – 94.

Если вспомнить тот идеал политики, который предлагает нам Х.Арендт, то это была бы как раз политика, проводимая единомышленниками. Хотя с этим идеалом, с моей точки зрения, не во всем можно согласиться, ведь политика это сфера противоречивых интересов, средство разрешения конфликтов, в той части, где мы рассматриваем специфику сетевых связей такой идеал мог бы работать.

В экономике наиболее продвинутой страной, реализовавшей идеал сетевого управления, является Япония. Но что самое интересное, сетевые связи существовали в Японии еще до современной эпохи, до изобретения интернета.

До Второй мировой войны в Японии имело место объединение получившее название *дзайбацу*. Это сложная форма семьи. Фактически экономические связи между отдельными, но соединенными близкими и дальними узами родства отдельными семьями. Эти объединения были разрушены в том числе насильственно, так как потенциально несли в себе угрозу возрождения милитаризма. Но после Второй мировой войны в Японии возникли новые формы объединения – *кейрецу*. Это уже целиком экономические объединения, но также построенные по принципу сетевых связей. Они воспроизводят систему сетевых связей, с той разницей, что руководители фирм, входящих в одно *кейрецу* уже совсем не обязательно являются членами одной и той же семьи.

Фактически *кейрецу* представляют собой совокупность обладающих значительной экономической самостоятельностью звеньев (предприятий), объединенных вокруг одного финансового института, осуществляющего льготное кредитование. Основные производственные фонды в Японии на 80% состоят из кредита. В США – только на 40%. Государство обладает значительным влиянием на экономику, осуществляемым через кредитную политику, но при этом экономическая независимость отдельных звеньев сохраняется.

«Для иллюстрации значения такой формы организации можно привести следующий пример. В конце 80-х «Toyota», крупнейшая японская корпорация по уровню продаж, произвела за год 4,5. млн. машин при занятости 65 тыс. чел. В свою очередь, «General Motors» собрала 8 млн. автомобилей при 750 тыс. занятых на производстве рабочих. Получается, что, имея всего лишь двойной перевес по уровню производительности, американская компания содержит штат сотрудников, в десять раз перекрывающий штат японской компании. Часть указанных отличий можно объяснить большей производительностью «Toyota»: на заводе этой компании в г. Такаока на производство одного автомобиля тратится 16 человеко-часов, а на заводе «General Motors» во Фрэмингеме, штат Массачусетс, на это требуется 31 человеко-час (данные за 1987 год). Однако более важен другой факт: «Toyota» львиную долю запчастей для своих автомобилей получает от субподрядчиков, в то время как «General Motors» сам является владельцем большинства заводов по производству необходимых элементов для своих транспортных средств. «Toyota» - главная компания в одной из так называемых «вертикальных *кейрецу*»; по сути, она осуществляет только разработку и сборку готовой продукции»¹³.

Из добродетелей важнейшую роль играет преданность. «...Из пяти основных добродетелей ортодоксального конфуцианства самыми важными были следующие две: благожелательность (*цзен*), которую к членам своей семьи обычно испытываю

¹³ Фукуяма Ф. Доверие, с. 272.

в естественном порядке, и *сяо* – сыновняя почтительность. Преданность, или верность, в китайском конфуцианстве тоже являлась добродетелью, но она воспринималась скорее как личная, а не социальная: человек верен себе и своим убеждениям, а не носителю политической власти. Более того, для китайцев добродетель преданности была связана с добродетелью справедливости или правосудности. Предполагалось, что если внешний источник власти, требующий преданности, действует неправосудно, *цзэн* не требует от человека слепой покорности»¹⁴. В Японии, наоборот, именно беспрекословная преданность, в современных условиях – преданность корпорации является основной добродетелью.

Как мы знаем, такая система работает сейчас весьма эффективно, но долго ли она сможет продержаться, учитывая процесс индивидуализации личности, распад традиционных этических систем? Возможно Япония столкнется здесь с большим трудностями, но это не означает неэффективность сетевых связей и сетевого управления.

Я думаю, что более всего система сетевых связей отвечает творческому процессу и природе творческого труда. В настоящее время в мире идет процесс создания инновационных фирм, которые по сути приходят на замену того, что раньше называлось венчурными предприятиями. Ставится такая задача и в России. В частности – много говорится о создании так называемых технопарков. Но подобные организации будут мало эффективны, если не включить в структуру их организации сетевые связи и сетевое управление.

Инновационные фирмы должны быть связаны с финансовым институтом, прибыль которого свидетельствовала бы об эффективности новых разработок и успехах их внедрения в производство. Сам финансовый институт благодаря поддержке государства должен был бы обладать правом льготного кредитования, но не произвольно, а в зависимости от экспертной оценки эффективности разработок, которые осуществлялись бы самоорганизующимися научными коллективами.

Специфика возникновения моральных норм и их воздействия на личность должна быть учтена в процессах социального управления, сознательно осуществляемого в масштабах всего общества в том смысле, что сами механизмы такого управления должны учитывать стихийные процессы, например процессы самоорганизации научных коллективов, коллективное творчество в процессе возникновения систем профессиональных этик.

Творческий коллектив не только индивидуализирует моральные требования, но и контролирует их выполнение. В этом смысле локальный дискурс на уровне творческих коллективов представляется крайне важным. Здесь следует отметить, что оценки людей, с которыми осуществляются личные контакты, и которые по существу являются единомышленниками, представляются крайне значимыми для каждого из членов коллектива. Они могут перевешивать формальные административные поощрения и наказания (осуждения), что, собственно и отвечает природе морали, как сферы бытия человека наполненной особым личностным смыслом, связанной со свободным выбором, индивидуально-ответственными решениями, в которых человек не может переложить бремя принятых решений на кого-то другого.

¹⁴ Фукуяма Ф., Доверие, с. 296.

Можно возразить, что параллельные разработки связаны с дополнительными затратами, но не менее затратно и внедрять в практику неэффективные разработки.

Кроме того в рамках инновационных фирм должны быть соединены фундаментальные и прикладные разработки. Самоорганизующиеся коллективы должны состоять из ученых занятых фундаментальными и прикладными исследованиями. Только такая структура позволит способствовать быстрому распространению научной информации и соединению знания с практическими потребностями производства.

В качестве примера медленного внедрения достижений фундаментальной науки в производство можно привести пример с разработкой технологии производства искусственного сахара. Эксперименты с химической реакцией изомеризации глюкозы во фруктозу начались еще в 19 в. Только в 1967 г. в Японии был открыт принципиальный процесс изомеризации. Но практическое производство искусственного сахара началось в США только в 1972 г. В течение долгого времени пищевая промышленность игнорировала возможности фундаментальной науки. Может быть ученые, вовлеченные в прикладные разработки, просто не знали об этом важном открытии науки. Таким образом, для того чтобы обеспечить более быстрый путь практического применения результатов науки, необходимо найти эффективные формы соединения фундаментальной и прикладной отраслей знания.

Одним из способов соединения фундаментального и прикладного знания как раз могло бы стать создание временных трудовых коллективов, состоящих из ученых разного профиля. Руководителем такого коллектива по преимуществу должен был бы быть ученый, предлагающий какую-то оригинальную идею и объединяющий своих единомышленников для проведения ее в жизнь. Эффект от неформального общения представителей фундаментальной и прикладной науки может быть достигнут в том случае, если ученые разного профиля работают в рамках одного учреждения. Так что, инновационные фирмы в принципе должны включать подразделения, занимающиеся нецеленаправленными научными исследованиями фундаментального характера. Из состава ученых, работающих в разных отделах инновационной фирмы как раз могут формироваться временные трудовые коллективы, в том числе – занятые параллельными научными разработками, участвующими в подготовке проектов на конкурсной основе. По итогам разработок могут применяться творческие и материальные стимулы труда. Но конечным определителем эффективности работы того или иного творческого коллектива оказывается успех от практического применения научной разработки, оцениваемый по тому, насколько охотно данной разработкой интересуются коммерческие структуры, на каких условиях они берут под ее внедрение кредит и насколько успешно выполняют все условия его возврата.

В результате подобной системы удалось бы непротиворечиво соединить рыночные начала производства и плановое воздействие государства на экономику, при котором плановое воздействие не ограничивало бы инициативы первичных звеньев производства. Такое соединение плана и рынка соответствовало бы принципу дополнительности и способствовало бы активизации моральных мотивов людей, объединенных общими задачами.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье показано, что в современной этике возникла новая ситуация, связанная с осмыслением превращения общества в глобальную систему, в которой отношения одного человека от другого дистанцированы и не воспринимаются так, как это было в традиционном обществе. Связи между людьми все более поддерживаются специальными институтами, устраняющими личностное отношение одного человека к другому. Это проявляет себя и в этике бизнеса, где решения не только часто принимаются независимо от личных предпочтений, но, что важно подчеркнуть, такое принятие решений, собственно, становится одним из нравственных требований. В современной этике не работают многие традиционные моральные императивы, ориентированные на фиксацию именно личного отношения одного человека к другому. В связи с этим возникает необходимость разработки новых правил, фиксируемых в кодексах профессиональной этики. Тем не менее, общие черты, присущие моральной регуляции как таковой, проявляют себя и в современных условиях. Это, в частности, выражается в системах морали, ориентированной на сетевые связи, в различных формах самоорганизации моральных субъектов в их социальной и профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Appelbaum A., Ethics for Adversaries. The Morality of Roles in Public and Professionals Life. Princeton, Princeton University Press, 1999.
- [2] Гусейнов А.А., Философия, мораль, политика, ИКЦ «Академкнига», Москва 2002.
- [3] Зомбарт В., Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека, Изд. Художественная промышленность и культура, Москва 2009.
- [4] Скотт М. Катлип, Ален Х. Центр, Глен М. Брум, Паблик рилейшнз. Теория и практика, Москва 2000.
- [5] Фукуяма Ф., Доверие, Изд. АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, Москва 2006.
- [6] Шихирев П. Н., Введение в российскую деловую культуру, ОАО Типография Новости, Москва 2000.
- [7] Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?, Изд-во Института Гайдара, Москва 2016.

ETYCZNE MOTYWY W STRUKTURZE ZARZĄDZANIA

W artykule rozpatruje się znaczenie etycznej motywacji w zarządzaniu. Pokazano, że wewspółczesnej etyce powstała nowa sytuacja, związaną ze zrozumieniem transformacji społeczeństwa w system globalny, w którym relacje międzyludzkie oddzielone są dystansem i postrzegane inaczej niż w tradycyjnym społeczeństwie. Podstawową cechą zarządzania jest skuteczność: w jakim stopniu jest ona kompatybilna z motywacją moralną, czy są możliwe sytuacje, kiedy skutecznością należy poświęcić w imię moralności, lub odwrotnie, jak moralność może przyczynić się do osiągnięcia efektywności w perspektywie krótko- lub długoterminowej? Odpowiadając na te pytania, autor porównuje pozycję moralnego absolutyzmu i utilitaryzmu, pokazuje, że do pewnego stopnia teorie te są zgodne, jeśli utilitaryzm nie jest postrzegany w wąskim sensie korzyści, zwiększenia wspólnego dobra za wszelką cenę. W pracy rozważa się rolę moralności w realizacji zarządzania sieciowego,

które, zdaniem autora, odpowiada naturze etyki związanej z indywidualnym, osobowościowo odpowiedzialnym wyborem moralnym. W związku z tym sformułowano zalecenia odnośnie doskonalenia form organizacji współczesnego procesu produkcji.

Słowa kluczowe: etyka, moralność, motywacja, zarządzanie, absolutyzm, utilitaryzm, odpowiedzialność, efektywność, zarządzanie sieciowe.

ETHICAL MOTIVES IN MANAGEMENT STRUCTURE

The article considers the place of moral motives in managerial activities. It is shown that in modern ethics there is a new situation that is associated with the comprehension of the transformation of society into a global system, in which relations from one person to another are in distance and cannot be perceived as it was in traditional society. The main characteristic of management is the effectiveness, how it is compatible with moral motives, can there be a situation where efficiency has to sacrifice for the sake of morality, or how morality can facilitate the achievement of efficiency in the short or long term? In the course of answering these questions, the author compares the positions of moral absolutism and utilitarianism shows that to some extent these theories are compatible, if utilitarianism is not considered in the narrow sense of the benefits of increasing the common good at any cost. The article offers a review of the role of morality in the implementation of the network management that, in the author's opinion, consistent with the nature of morality associated with individual, personal responsible moral choice. In this regard, it is suggested the recommendations on improvement of forms of organization of modern production.

Keywords: ethics, morality, motives, management, absolutism, utilitarianism, responsibility, efficiency, network management.

DOI:10.7862/rz.2016.hss.49

Przesłano do redakcji: styczeń 2016

Przyjęto do druku: wrzesień 2016